

КНИГА ПУСТЫХ АДРЕСОВ

СЕРГЕЙ ТИМИН

Сергей Тимин

Книга пустых адресов

«Автор»

2026

Тимин С.

Книга пустых адресов / С. Тимин — «Автор», 2026

Во вторник Лиза Лаврова приходит к сестре и обнаруживает вместо ее дома пустырь. Все уверены, что жильцов давно переселили, но из оставшегося почтового ящика приходит записка: «Я здесь». Вместе с Ильей, мастером городского освещения, Лиза ищет пропавший адрес в старой Книге и выясняет, что у Ольховска есть другая сторона. Пока они ищут способ вернуть дом, вода поднимается у чужих дверей.

© Тимин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место для дома	5
Глава 2. Желтая прорезь	8
Глава 3. Человек с лестницей	11
Глава 4. Маршрут Раи	14
Глава 5. Городская бумага	17
Глава 6. Работа по наряду	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Тимин

Книга пустых адресов

Глава 1. Место для дома

Во вторник Лиза Лаврова достала ключ от двери, которой уже не было. Ключ у нее был правильный: медный, с зеленой ниткой на колечке. Вчера вечером Аня сама повесила его на гвоздь у Лизиной мастерской и крикнула из коридора, что утром надо забрать с подоконника розовые накладные. У Ани даже чужие расходы были розовыми. Она говорила, бухгалтерия от этого делается не добрее, зато заметнее.

Дома на Мельничной, 9б, не стало. Лиза остановилась между булочной и аптекой, куда упиралась знакомая низкая стена с цветочным киоском на первом этаже. Теперь между ними лежал пустырь с редкой мокрой травой. Посреди участка стоял желтый почтовый ящик на тонкой ножке. За урной, через всю площадку, виднелся кирпичный торец дома номер тринадцать. Или того, что Лиза привыкла называть тринадцатым. В окне напротив кто-то вытряхивал половики.

- Вы куда? - спросила продавщица булочной, открывая ставню.

- К сестре.

Продавщица проследила за ее взглядом.

- Так там давно никого нет. Дом разобрали, когда перекладывали трубы.

- Вчера? Быстро работают.

- Не вчера. Летом, кажется. Возьмете рогалик? Только из печи.

Лиза не ответила. Вчера она поднималась по трем каменным ступеням к Ане. На второй лежала половинка рекламного магнита с лимоном. Лиза не попадала ключом в замок из-за коробки в другой руке; сверху орал телевизор, а из магазина пахло мокрой бумагой и мятой. Дату можно перепутать. Лимон на ступени - нет.

Она перешла пустырь. Под ботинками хрустела щебенка. Никаких обломков кирпича, пыли, досок с гвоздями. Только сырая земля, аккуратно примятая дождем. У северного края торчала крошечная белая пуговица на нитке. Лиза присела и выдернула ее из травы. На пуговице была нарисована ромашка: Аня пришивала такие к полотняным мешочкам с луковичками тюльпанов.

Телефон сестры ответил холодным голосом: абонент вне сети. Лиза набрала еще раз, потом позвонила Аниной соседке Валентине Павловне. Номер был сохранен как Соседка три банки варенья. Валентина Павловна каждый июль приносила именно три банки и обижалась, если ее благодарили при посторонних.

- А Ане вы не звонили? - сказала соседка после долгого ожидания. - Я думала, она у тебя.

- Где вы сейчас?

- На даче. Что случилось?

- Дом исчез.

- Лизочка, говори толком. Какой дом?

- Ваш.

В трубке послышался щелчок выключателя, потом ровный голос:

- Мне что, приезжать? Только автобус в половине второго.

Лиза велела приезжать и сбросила звонок, прежде чем соседка успела сказать что-нибудь успокоительное. Утешения раздражали сильнее дождя под воротом.

На Почтовой, шесть, где в бывшей обувной мастерской помещался ее переплетный стол, никто не исчез. Голубая дверь воняла свежей краской. В углу стояла чашка с чаем, начатым

вчера Аней; на поверхности успела появиться тусклая пленка. У стекла лежали те самые розовые накладные. На первом листе Аня пометила ручкой: «Рябину забрать в четверг. Не перепутать с рябчиком». Аня любила чужие ошибки, если они не мешали ей получать цветы.

Лиза сфотографировала лист. Сестра существовала. Ее почерк существовал. Простая мысль почему-то никак не помогала.

В семейном альбоме Аня в красном свитере стояла рядом с дедом Яковом. Снимок не изменился. Пропала улица, не человек.

У Лизы задрожали руки. Она поставила чайник, забыла нажать кнопку, снова взяла телефон. На экране висело вчерашнее сообщение от Ани: «Ты сыр купи, я хлеб. И не вздумай опять покупать тот, который пахнет носками». После этого Лиза стала звонить в больницу, диспетчеру такси, знакомому продавцу семян. В больнице обещали проверить и перезвонить. Таксист сказал, что вчера подвозил Аню до Мельничной и даже помог нести складную лестницу для витрины. Продавец семян считал, что девушка просто уехала к поставщикам, как в прошлую осень.

- А на какой адрес вы ей доставляли ящики? - спросила Лиза.

Тот надолго замолчал.

- На Мельничную. Там еще булочная. Только номера я не помню.

Чайник закипел, хотя Лиза не помнила, как нажала кнопку.

В полдень пришла Тамара Андреевна Чернова с книгой семейных рецептов. У книги держался один корешок; страницы выходили целыми тетрадами, а на форзаце темнел круг от стакана. Тамара Андреевна принесла еще пирожки с капустой в бумажном пакете и сказала, что без еды Лиза возьмет на себя лишнюю работу и опять забудет позвонить, когда закончит.

- У вас на Мельничной кто-нибудь живет? - спросила Лиза, раскладывая тетради.

- Около старой бани? Было время, жила моя тетка. Ее квартиру давно заложили, дом расселили. Аня там цветы продавала, но это я слышала от тебя. Странно, не помню магазин.

- А дом девять бэ?

Тамара Андреевна поскребла ногтем шов на клеенке.

- Был какой-то дом. Давно снесли. У вас вид плохой, Лиза. Может, Илье позвонить? Он по городу мотается, знает, что там строят.

- Сама разберусь.

- Если разберетесь, хоть поешьте.

Когда посетительница ушла, Лиза села на низкую табуретку. Пирожок оказался слишком горячим, обжег язык; она съела второй, не замечая вкуса. Затем взяла деревянную линейку деда Якова. На обороте он мелко нацарапал адреса своих постоянных заказчиков, когда бумажная записная книжка промокла. Возле Мельничной значилось 9б: «Девочки. Свет в витрине». Тогда в магазине Ани еще не было витрины, только дешевые лампы на скрепках. Дед называл взрослых внушек девочками, чем обеих раздражал.

Одна буква на линейке была продавлена глубже остальных. Дед не любил двойные номера: говорил, если к дому прибавили букву, значит, когда-то на него не нашлось честного места.

Лиза вытащила из шкафа картонную папку с дворовыми планами. Дед Яков переплетал их для городской конторы, а черновые копии держал у себя. На плане пятилетней давности дом 9б стоял точно между аптекой и булочной, где положено. На листе прошлого года место было закрыто прямоугольником нового межевания, карандаш небрежно закрасил старые контуры. Лиза помнила, как спорила с дедом: зачем хранить такие листы, если электронная карта показывает подъезд даже лучше? Он ответил, что карта не помнит, где человек растерял сдачу.

В дверь постучали. На пороге стояла Валентина Павловна в непромокаемом плаще и с полной сумкой огурцов. Она приехала на попутке. Вместе они пошли на Мельничную. У булочной Валентина Павловна внезапно остановилась.

- Третий этаж, окно во двор, - сказала она. - Мне там придется забрать рассаду.
- Там нет третьего этажа.

Соседка подняла руку, будто собиралась показать окно, и опустила.

- Почему я помню рассаду, а подъезд не помню?

Это был первый вопрос за день, который Лиза хотела услышать. Они обошли пустырь и вернулись к ящику. Сбоку у него была узкая щель. Раньше ящик стоял вплотную к стене дома. Теперь ножка торчала одна на пустыре.

- Вот он, - сказала Валентина Павловна. - Когда ко мне письма приходили, Аня заносила. Я на даче всегда забывала ключ от ящика.

По улице прошел мужчина с коляской. Он не обернулся на торчащий посреди пустыря ящик; вероятно, если смотреть не очень внимательно, в Ольховске можно было привыкнуть и к этому. Лиза просунула пальцы в прорезь. На дне лежало только рекламное извещение о распродаже штор. Валентина Павловна предложила зайти в полицию вместе, и Лиза кивнула. Они договорились встретиться у отдела через час: соседке надо было оставить огурцы племяннице.

Небо к вечеру приобрело цвет сырого картона. Над аптекой включилась надпись «Лекарства»; одна буква не загорелась, и слово получалось не слишком обнадеживающим. Лиза вернулась к пустырю прежде, чем отправиться в отдел. Ей казалось, что пока она будет рассказывать про пропажу, дом может появиться, и тогда все решат, будто она устроила розыгрыш.

Ящик остался на месте. Но из желтой щели торчал угол сложенной бумаги.

На листке был Анин почерк, торопливый, с маленьким крючком над «й». «Лиза, я здесь. Мы все здесь. Только, пожалуйста, не подходи к порогу, если придет человек с лестницей. Он не знает, что сделал». Подписи не было. На обороте остался жирный отпечаток чьего-то пальца, пахло мокрым железом.

Лиза подняла глаза. От булочной к пустырю уже шел человек с раздвижной лестницей на плече.

Глава 2. Желтая прорезь

Человек поставил лестницу у фонаря напротив аптеки. С куртки у него капало, будто он нес под дождем не алюминиевые перекладины, а маленькую крышу. Лиза спрятала Анин листок в карман. На груди у мужчины висела служебная карточка. Он поднял лицо, увидел ее и произнес:

- Если лампа сейчас загорится, можете считать, мне повезло.
- Это ваша работа?
- По договору с городом - да. По справедливости, она ваша, раз вы за меня переживаете.

Он поставил тяжелый ящик на землю и начал возиться с замком кожуха. Лиза узнала фамилию на карточке: Чернов. Сын Тамары Андреевны, которая приносила ей рассыпающиеся поваренные тетради. Мать показывала фотографию Ильи всякий раз, когда Лиза приходила за деньгами, но сын в жизни оказался шире в плечах и ниже, чем на школьном выпускном снимке. На снимке еще была такая челка, которую стоило запретить приказом по электросетям.

- Вы знаете, где здесь девять бэ? - спросила Лиза.

Илья не ответил сразу. Он смотрел не на нее, а за ее спину, туда, где над урной белел пустырь.

- Раньше было между аптекой и булочной, - сказал он. - Я два раза менял проводку у цветочницы. Один раз прямо перед праздником, когда все хотели лилии.

От облегчения Лиза рассмеялась. Смех вышел грубый, почти кашель.

- Меня зовут Лиза. Цветочница - моя сестра.

- Я понял. Аня мне рассказывала, что у нее есть сестра, которая умеет чинить книжки, а людей пока нет.

Он поправил перчатку. Лиза вынула записку, но не показала ему.

- Куда делся дом?

- Если бы я знал, то не таскал бы лестницу под дождем. Позавчера здесь поставили мне задачу проверить освещение. Вот я и проверяю.

Слово «позавчера» царапнуло. Позавчера дом еще стоял. Лиза попросила сказать, кто выдал задание. Илья открыл рот, потом посмотрел на свои мокрые ботинки.

- Обычный наряд. Контора на площади. Сначала я закончу фонарь, ладно?

Она могла настоять, но из аптеки вышла женщина с мокрым бумажным пакетом и загородила их разговор своим зонтом. Илья поднялся наверх. Лиза отошла к почтовому ящику. Записка выглядела новой: вода разошлась по одному углу, но чернила не поплыли. Аня покупала дешевые шариковые ручки оптом и держала их в каждом кармане, словно готовилась не к работе, а к экзамену.

- Вы не видели, кто положил письмо? - спросила Лиза у аптекарши, запиравшей дверь.

- Я видела, как вы сюда смотрели. Это считается?

Они обошли пустырь с разных сторон. За ящиком оставалась полоса плитки, врезанная прямо в землю. Лиза знала эту плитку: три светлых квадрата перед входом, четвертый надтреснут у края. Сейчас квадраты заканчивались у ничем не отмеченной черты. Она поставила носок на трещину, вытянула руку вперед. Пальцы встретили пустой воздух, но ей на секунду послышался звук дверного доводчика. За спиной лязгнула лестница. Лиза отдернула руку.

Илья спустился, щелкнул выключателем на стойке фонаря. Лампа зажглась без обычного мигания, под ней проступили капли на рукаве его куртки.

- Знаете, до сегодня мне казалось, что это было во сне, - сказал он. - Стоит дом, утром я снова проезжаю мимо, а его нет. Начал спрашивать у ребят. Они говорят, у меня переработка. Я решил, может, правда. Потом увидел вас.

- И как называется сон, который снится двоим?

- Смена по графику.

Лиза не стала улыбаться. По другую сторону улицы остановился автобус номер шесть. Из него вышел Федор Елагин, младший архивист; она узнала его по красной шапке с помпоном, которую он носил уже третий год наперекор начальству. Она часто приносила ему документы на переплет. Федор помахал, но, заметив лицо Лизы, перешел дорогу.

- Лиз, тебя у отдела ждут. Валентина Павловна уже позвонила мне дважды. Говорит, ты ищешь Аню.

- Мне нужен старый план этой улицы.

- До какого года?

- До вчерашнего.

Федор перестал улыбаться. Он сказал, что в архиве есть описи по годам, но выдавать оригиналы без заявки нельзя. Можно посмотреть копии; завтра он откроет читальный зал раньше. Илья переспросил, кто хранит старую Книгу адресов. Архивист снял шапку.

- Какую именно?

- Самую первую, - сказал Илья. - Я помню, наш участок заказывал в прошлом году номера домов, а начальник велел свериться с ней. На вид толстая, темная. С табличками в пакетах.

- Такой заказ не у нас проходил, - ответил Федор. - И таблички в книгу не кладут, она бы рассыпалась.

Илья отвел глаза. Разговор у них не клеился. Лиза решила, что позже разберется, почему мужчина, впервые увидев ее, спрашивает не о пропавшей девушке, а о реестре.

В отделе полиции дежурный записал Анино имя, рост, одежду, телефон, время последнего разговора. Дом девять бэ он указал со слов Лизы, не возражая. Слова «дом исчез» он тоже записал, но ниже, на отдельном листе, попросив проверить адрес еще раз. Валентина Павловна показала фото своего окна с рассадой, сделанное на прошлой неделе. За окном виднелась кирпичная стена напротив, которой теперь не было. Дежурный вызвал кого-то по телефону. Никто не смеялся; от этого Лизе стало одновременно легче и страшнее.

Когда они вышли, Рая Матвеевна, бывшая почтальон с Мельничной, сидела на скамейке у крыльца. Лиза знала ее по походке: как будто та опаздывала на поезд, который сама же и водила. Сегодня Рая держала в руках пустой пакет от молока, свернутый в трубочку.

- Сказали, ты тоже адрес ищешь, - начала она без приветствия. - Какой?

- Девять бэ.

- Я ищу одиннадцать. Мой Артем с Гришкой там жили. Сегодня ребята из отдела снова объясняли мне, что они съехали. Куда, они не знают. Я попросила показать расписку о переезде. Нету. А они предлагают отдохнуть. Я и отдыхаю тут третий день.

У Раи на пакете были ручкой выписаны номера телефонов. Она не давала себе забыть ни один. Лиза подумала, что соседний дом, видимый с пустыря, действительно выглядел странно: кирпичный торец с окном, будто боковая стена сохранилась, а сам дом кто-то поставил шире дороги. На плане деда здесь стоял тринадцатый, а одиннадцатый был дальше, за поворотом.

- Пойдемте завтра со мной в архив, - сказала Лиза.

- Я уже ходила. Оригинал мне не показали. Потому и спрашиваю, чего ты успела увидеть.

Лиза вынула записку Ани и развернула ее на ладони. Рая наклонилась близко, потом достала очки из воротника. Читала она долго. В конце спросила:

- Аня пишет «мы все». Сколько их там? Если мой Гришка среди них, ты ей ответишь?

- Обязательно.

- Тогда давай не стоять у крыльца, как три объявленные пропажи. Мне надо домой, свечку взять и карандаш.

Вечером трое вернулись к желтому ящику. Илья еще был у фонаря: чинить ему оказалось нечего, но он остался из-за Ани. Рая поставила у прорези термос, будто собиралась угощать письмо чаем. Лиза на листке из блокнота написала: «Аня, мы ищем тебя. Артем и Гриша с

тобой? Где войти?» Записку сложила вчетверо и опустила внутрь. Металл коротко звякнул. Ничего не произошло.

Пока они ждали, зажглись окна аптеки и булочной. Фонарь Ильи бросал прямоугольный свет на место, где раньше была входная дверь. На третьей плитке появилась мокрая полоска, хотя дождь уже кончился. Илья шагнул ближе, но Рая схватила его за рукав.

- Без ключа не трогай, - сказала она.

- Откуда вы знаете?

- Я доставляла письма в эти дома тридцать лет. У почтальонов дурные привычки, мы замечаем двери.

Из ящика послышался шорох. Лиза вынула сложенный вдвое обрывок розового бланка. На нем было написано всего пять слов: «Спроси его про снятый номер».

Илья прочел через ее плечо и впервые за вечер не нашел, что ответить.

Глава 3. Человек с лестницей

- Я снимал табличку, - сказал Илья. - Девять бэ. В понедельник после обеда.

Рая отпустила его рукав. Лиза смотрела на развернутую ладонь: там лежал Анин клочок, еще теплый от того, что она так сильно его сжимала. Между делом кто-то открыл булочную и вынес наружу два пустых ящика. Дерево стукнуло о бетон. Город не замечал, как он плохо держится за собственные адреса.

- Кто приказал? - спросила Лиза.

- У меня было предписание на замену. Подпись Савина, отдел имущества. Написано: снять старый номер, новый получить на складе. Старый я сдал. Новый не привезли. Я уехал к школе менять светильник. Утром зашел проверить, а магазина нет.

- И вы никому не сказали.

- Сказал бригадир. Он меня отправил домой поспать. Потом я звонил в контору. Там ответили, что девять бэ снесен еще до моего приезда.

- Поспать, конечно. Очень крепко помогает, когда исчезает дом.

Илья не спорил. У фонаря на его ладони была небольшая свежая царапина. Он заметил Лизин взгляд, сунул руку в карман. Ей сразу стало стыдно за эту подробность: в такой день подозрение можно было найти даже на рукаве.

Рая хмыкнула и вытащила из сумки книжечку в клеенчатой обложке. Она раскрыла ее, прижав корешок большим пальцем.

- Мне нужно понять, что стало с одиннадцатым. Про него у тебя наряд был?

- Нет. В прошлую пятницу меня отправляли на Мельничную, пять. Снять старый номер, якобы из-за обновления фасада. Дому сто лет, фасад там не обновляли с моего детства. Я отказался, пока не покажут акт. Потом меня вызвали в другую смену. Кто снял номер, не знаю.

- Пятый тоже пропал, - тихо сказала Рая. - Там вахтер жил, Олег. Он по вечерам чинить подошвы ходил к булочнику. Мне сказал, что на неделю возьмет отпуск. Только вахтеру отпуск в начале отопления не дают.

Лиза представила улицу без трех зубов, выбитых по одному. Весь день она смотрела лишь на место Аниного магазина, будто достаточно любить одного человека, чтобы остальное стало понятным. Рая уже три дня пыталась объяснить людям, куда делись Артем и Гришка, и никто ее не слушал.

Рая перевернула свой журнал. На обороте последнего листа Гриша когда-то нарисовал автобус с дверями по обеим сторонам. Она показала рисунок Илье и попросила назвать остановку у дома одиннадцать. Он назвал, но не сразу; сперва посмотрел в окно, как будто остановка могла прийти туда сама. Рая сказала, что водитель автобуса вчера высадил ее у старого рынка и уверял, будто Мельничная там всегда заканчивалась. Он не спорил со снимком, просто не мог вспомнить дорогу до Артемова двора. Для Раи это было хуже смеха. Со смехом хотя бы понятно, где находится человек.

- Простите, - сказала Лиза. - Я даже не спросила, сколько Грише лет.

- Восемь. Не представляй его крохой. Он теперь поправляет меня, если я говорю «пачка письма». Учит падежи. Хорошо бы поскорее начать его раздражать.

Они устроились в мастерской Лизы, потому что на улице снова начал моросить дождь. Рая разложила свою книжечку рядом с планом деда Якова. В ней не было никаких загадочных символов, только маршруты и дни: Мельничная, 5, Мельничная, 9б, Мельничная, 11. Пятый дом отмечен в субботу жирным крестиком; Рая тогда не смогла вручить письмо вахтеру. Одиннадцатый исчез в ночь на понедельник. Рая ездила туда в воскресенье днем, отдала сыну варежки, погладила внука по голове и ушла до дождя. Утром оказалась на пустом месте.

- А вы знаете, что с Аней? - спросил Илья.

- Знаю только, что умеет быстро писать. Видел вчера листок, когда она отдала его Лизе? Он покачал головой. Рая чуть не спросила еще что-то, но вместо этого посмотрела на часы. Стрелки подходили к девяти. Она сказала, что до последнего автобуса осталось полчаса, и сложила журнал.

- Я сейчас провожу вас, - предложил Илья.

- Я не сахарная. Лизе помочь надо. Вы бы завтра приехали с бумажкой, на которой Савин подписался. Если у вас в конторе такие не жуют на завтрак.

После ее ухода Лиза убрала со стола дедову папку, оставив одну карту. У каждого участка был свой маленький квадрат, а у девяти бэ между соседними домами не хватало ширины для подъезда. Когда-то кусок земли прирезали из пустого двора, объяснила Аня в первый год аренды. Тогда Лиза не придавала значения ни номеру, ни букве.

Илья достал телефон, нашел снимок своего наряда. Заявку он сфотографировал, чтобы не перепутать адрес с соседним.

- Я знаю, этого мало, - сказал он. - Но это то, что у меня есть.

На экране стояла дата понедельника и номер дома. В графе «основание» значилось: «уточнение исторической нумерации». Подпись стояла машинная, синим кругом печать городского отдела. Лиза попросила прислать снимок Федору Елагину. Илья сделал это сразу.

- Если вы знали, что дом исчез сразу после вашего наряда, зачем пришли с лестницей сегодня?

- Хотел узнать, можно ли включить свет там, где остался вход. Вчера, после исчезновения одиннадцатого, у меня возле него лампа моргала без причины. Подумал, может, питание идет куда-то еще. Я электрик, мне бы держаться за провода. За другое ухватиться не получается.

Он сказал это без шутки. Лиза впервые посмотрела на него не как на человека из записки, а как на того, кто два дня носил в себе невозможную новость и не нашел, куда ее отдать. Потом она вспомнила про табличку, и чувство быстро прошло.

- Значит, завтра склад, - сказала она. - Без таблички ничего не докажем.

- Завтра сначала архив. Если Савин снимал номера с трех домов, там должен остаться след. На складе меня давно не любят, но я узнаю, куда увезли металл.

Слово «мы» в их разговоре еще не появилось. Лиза заметила это и была благодарна. Илья забрал пустой ящик и, неловко поклонившись кивком, ушел в дождь. На подоконнике остался его мокрый след от ладони.

К половине одиннадцатого пришла Валентина Павловна, смущенная своей прежней забывчивостью. Она принесла пакет с рассадой, которую почему-то удалось найти в кузове пикапа племянника: якобы накануне сама попросила ее перевезти. На дне пакета лежала связка четырех маленьких ключей. Валентина Павловна брала их только для полива цветов, а теперь не знала, к каким дверям подходят два из них.

- Здесь у нас была квартира, - сказала она и уверенно провела карандашом по дедовой карте. - Вот лестница, вот кухня. А я целый день спрашиваю себя, не ошиблась ли номером дома. Из квартиры я вчера утром вышла. Почему ты помнишь лучше меня?

Лиза не знала. Вчера она приходила к сестре вечером, а Валентина Павловна уехала с утра; может быть, воспоминания стоили близости к полуночи. Они договорились утром идти вместе в архив. Когда соседка ушла, Лиза закрыла мастерскую и вышла к пустырю еще раз.

Было безлюдно. Лампа Ильи освещала третью треснутую плитку. На ней темнело маленькое мокрое пятно; Лиза потянулась к нему, но вспомнила Анино «не подходи к порогу». Она остановилась за шаг до черты. Из-за пустыря донесся шум посуды, словно в кухне кто-то поставил чашку на блюдце. Потом голос девочки, то ли из булочной, то ли прямо из темноты, спросил:

- Мам, а почему у нашей двери нет номера?

Лиза стояла и слушала, пока фонарь над ней не погас на секунду. Когда свет вернулся, у желтого почтового ящика появилась свежая капля белой краски. Кто-то с другой стороны пытался нарисовать на нем дверную ручку.

Глава 4. Маршрут Раи

Рая Матвеевна позвонила в мастерскую ровно в восемь. Лиза еще не успела поднять жалюзи, а в трубке уже прозвучало:

- Записывай. Второй подъезд одиннадцатого, верхний этаж, окно справа. В воскресенье у Артема на кухне висела мокрая тряпка с петухами. Если мы увидим окно, я узнаю его хоть со спины.

- Пожарную лестницу тоже записать?

- Можешь не шутить до завтрака? У меня пироги черствеют.

Они встретились у киоска с газетами. Илья пришел с кофе в картонном стакане и фотографией утреннего наряда. Он раздобыл у бригадира копию ведомости: номера с домов 5 и 11 снимали другие люди, но основание стояло то же самое, что на предписании для 9б. «Уточнение исторической нумерации». Три одинаковые строчки через два дня. Ни актов расселения, ни новых табличек в ведомости не было.

- Я уже спросил у ребят, кто получил металл, - сказал Илья. - По графе «сдано» должен быть городской склад. Склад говорит, ничего не приходило. Фамилии рабочих в нарядах настоящие, но оба сейчас в отпуске. Я оставил им сообщения.

Лиза выпила кофе и тут же пожалела: он был слишком сладким. Рая выдала ей пирог с картошкой, завернутый в салфетку, на которой еще виднелся рисунок пчелы. За газетным киоском начинался короткий проход к Мельничной. Рая шла впереди, считая дома вслух. Там, где раньше был пятый, теперь стояла банкоматная будка без вывески. По документам ее установили больше года назад; будка выглядела так, словно все это время терпеливо ждала, когда ее заметят.

- Смотри, где я носила Олегу газету, - сказала Рая. - Сначала обходила будку, потом вверх, две ступеньки. Теперь две ступеньки в воздухе.

Она остановилась. В стене соседнего дома сохранился плохо покрашенный прямоугольник старой рекламы мороженого. В прошлом он был виден только из Олегова двора. Лиза вспомнила, как Аня летом пряталась там от жары с бумажным стаканчиком. На белой штукатурке кто-то вывел карандашом слово «обратная». Под ним дождь смыл две буквы.

- Это Аня? - спросил Илья.

- Почерк не ее, - ответила Лиза. - Она никогда не ставит такие строгие «б».

Слово мог написать любой скучающий школьник, но Рая достала из сумки пластиковый файл. Внутри лежала старая открытка с видом городского моста, испачканная по краям чернилами. Штемпель на обороте гласил: «Мельничная, 5. Возврат». Рая получила ее накануне; марка была с современным гербом области, а адрес указан будто отправителем с другой стороны моста.

- Олег писал жене, - пояснила она. - Листок в ящике нашла я. Кому она теперь принесет обратно ответ, если ее дома тоже не помнит?

- Жена где живет?

- В соседнем районе. Она помнит мужа, естественно. Говорит, он уехал на рыбалку. Только рыбалку он ненавидит после того, как лет в десять упал с лодки. А открытку я ей показать пока не решилась.

Лиза попросила разрешения сфотографировать обратную сторону. Там под обычным адресом шла маленькая приписка: «Здесь сухо, пока не пойдет долгий дождь». Все три взглянули на небо. Дождь прекратился полчаса назад, но над рекой стояла широкая темная полоса.

В канцелярском магазине Лиза купила бумажные пакеты и три простых карандаша. Илья спросил, зачем так много. Она объяснила: если бы они писали людям внутри домов, нужны

были конверты; если захотят показать записи кому-нибудь из города, листы легче не потерять в пакете. Такой ответ устроил его наполовину.

У Мельничной, 11, Рая остановилась возле забора из зеленой сетки. За ним начиналась площадка с битым асфальтом и старой песочницей. Песочница оставалась в том месте, где прежде был двор. Ее не снесли, не увезли, не забыли; лопатка лежала на бортике и после дождя стала тяжелой от грязи. Рая подняла лопатку и села прямо на перевернутое ведро.

- Артем был уверен, что я кормлю Гришку одним сладким, - сказала она. - В воскресенье он опять начал про зубы. Я рассердилась, не осталась на ужин. Если бы осталась, сейчас бы хоть знала, чего он испугался первым.

Илья присел рядом на корточки. Он хотел сказать, что ничем бы она там не помогла, Лиза это увидела по лицу, но вовремя промолчал. У Раи была не просьба утешить, а собственная злость, и трогать ее голыми руками не стоило.

Они проверили в городской диспетчерской заявки по воде и свету. С понедельника из дома 11 не поступало звонков; соседний адрес жаловался на слабое давление, дважды. В старых счетах за электричество дом 11 числился вместе с песочницей, в свежем журнале группа заменена словом «резерв». Диспетчер Марина посоветовала идти к начальству и выдала распечатку, потому что Рая когда-то носила ей посылки в больницу. Печатное слово «резерв» Лизе не понравилось. Человек мог назвать так пустую кладовку. За этим обозначением у них оставалось не меньше восьми живых жильцов.

На выходе Илья встретил знакомого мастера, который во вторник уверял его, что все три дома разобрали без шума. Сегодня тот не мог объяснить, когда именно. Сказал «весной» и тут же поправился на «прошлым летом».

- А люди? - спросил Илья.

- Людей переселили. Я же не выдаю им ключи.

- Назови хоть одну семью, куда переселили.

Мастер смущенно потер шею. Он ничего не назвал. Лиза подумала, что чужая память больше похожа не на стертый лист, а на дверь, перед которой поставили шкаф. Человек чувствует: за шкафом что-то есть. Только зачем двигать тяжелую мебель ради чужого вопроса?

К обеду Федор Елагин прислал сообщение: читальный зал откроется после двух, старую книгу он искал, но в обычном каталоге ее нет. Архивист посоветовал Лизе взять паспорт и не приводить сразу толпу. Она ответила, что толпа у них маленькая, три человека и пакет пирогов. Рая обиделась: булочник обещал зайти вечером, если речь пойдет об Олеге.

Они разошлись на час. Илья поехал к своему начальнику, Рая - к жене Олега, Лиза вернулась в мастерскую за дедовой линейкой. Она разложила план на полу и совместила следы старой рекламы с границами пятого дома. Из трех исчезновений выходила не прямая линия, а дуга: дома стояли на краю бывшей низины, засыпанной при постройке набережной. Дед Яков красным карандашом провел эту дугу, но пояснения не оставил.

В час пятьдесят Лиза заперла дверь и вышла на улицу. Навстречу бежал мальчик лет шестнадцати, местный курьер Степа с огромным квадратным рюкзаком. Он остановился перед ней и спросил, правда ли она ищет цветочный магазин. Лиза кивнула.

- Вчера к вечеру я принес туда тонкий конверт с бумагами, - сообщил Степа. - Клиент заказал доставку на 9б, но в приложении адрес не находился. Я пошел по старому чеку, он у меня в кармане. Девушка расписалась. Она сказала: если опять будет не находиться, держи бумажку при себе и к подъезду без ключа не суйся.

На чеке было имя Ани. Время стояло вчерашнее, после исчезновения дома.

- Ты видел ее? - спросила Лиза.

- Нет. Слышал голос. Конверт опустил в ящик, а чек потом вынул с подписью. Только не подумайте, что я подглядывал.

Лиза даже не поняла, зачем он оправдывается. Ее интересовало одно: у черты возле магазина вчера был проход. Степа достал чек и развернул до последней строчки. Под подписью Ани чужой ровный почерк дописал: «Когда фонари загорятся, посмотри на верхний этаж».

Лиза подняла голову в сторону пустыря. До двух часов оставались считанные минуты, до фонарей - несколько долгих часов. А на месте третьего этажа уже кто-то зажег свет.

Глава 5. Городская бумага

Свет в окне исчезнувшего дома Лиза успела заметить днем, но снимок на телефоне показывал пустой участок. Она оставила этот вопрос до вечера. В читальном зале архива пахло пылью от теплых батарей. Федор Елагин поставил перед Лизой три тонкие папки и глиняную кружку с надписью «Лучший начальник», в которой держал карандаши. Чай из кружки он никогда не пил: его должность была слишком маленькой для такой посуды.

- Сразу скажу, - предупредил он, - книга у нас была. Последний раз я выдавал ее при смене завхоза. Потом отдел имущества попросил оригинал на сверку. На бумаге это называли временным пользованием. Два месяца прошло.

- Под чьей подписью?

Федор обвел строку пальцем. Аркадий Савин. Городским имуществом он заведовал двадцать лет, а по мнению Федора, лучше всех в городе умел возвращать документы за день до проверки, чтобы никто не заметил двухмесячного опоздания.

Илья пришел на десять минут позже. На виске у него была мокрая прядь, а в руках пакет с бутербродами. Он оставил их на подоконнике, заметил взгляд Лизы и сказал, что разговаривал с бригадиром. Наряд он передал Федору официально через канцелярию. За копии двух других бригадир не поручился, но и не отрицал, что они существуют.

Рая устроилась рядом с Лизой, порывисто и аккуратно одновременно. Она вынула собственный журнал и линейку с надписью Якова. На планах улицы отмечались несколько дат: после весенней перепланировки, после ремонта труб, после нового межевания. Будка у пятого дома на старом снимке стояла позади него, а на свежем плане лежала поверх его фасада, хотя никуда не двигалась. Чертеж не обязательно лгал. Его сделали так, будто двора никогда не было.

- Кто составлял последний? - спросила Лиза.

- Подрядная фирма, - сказал Федор. - Геодезист Климова проверяла границы, но такого совмещения могла не видеть. Я дам ее рабочий номер, если разрешит. Ни адреса, ни телефоны из личного дела выдавать не буду.

- После сегодняшнего у меня скоро закончится телефон, - буркнула Рая. - Буду ходить от двери к двери.

Федор усмехнулся и принялся листать опись. Дело первой Книги адресов стояло на полке под сороковым номером; сама полка пустовала. Лиза нашла в коробке карточку о реставрации, сделанную дедом Яковым за несколько лет до его смерти. В графе «особенности» он писал острым карандашом: «Книга не терпит копий. Рваный лист хранить вместе с основным». Лиза провела по строчке пальцем. Дед оставил обычную рабочую инструкцию, но слово «основным» подчеркнул дважды.

- Он разве реставрировал для вас? - спросила она Федора.

- Постоянно. Яков Петрович говорил, что клей в архиве такой крепкий, будто им собираются задержать прошлый век на проходной.

Они просмотрели снимки переплета. Толстая книга в вытертом сером полотне лежала раскрытой на странице Мельничной. В левом углу, возле номера пять, виднелась маленькая царапина. После реставрации она уже уходила в край поля. Илья увеличил изображение на телефоне: под царапиной тянулся тонкий карандашный контур домика с четырьмя окнами. Дед рисовал такие фигурки, когда хотел на полях показать, сколько частей осталось у книжного блока. Но здесь окон было пять, одно за другим, а не четыре.

Лиза попросила Федора показать нижнюю часть того же кадра. Там рядом с рисунком тянулась волнистая линия, почти стертая пальцами. Она сперва приняла ее за край плохо разглаженной страницы. Потом узнала знакомый изгиб Ольхи у старой паромной переправы: дед

летом водил внушек туда ловить бумажные кораблики, которые никто никогда не запускал по прямой. На новом плане реку отвели за толстую красную черту, словно простого цвета хватит, чтобы вода не вспомнила прежнюю низину.

- Он оставлял знак для себя, - сказала Лиза. - В реставрации не рисуют домики без причины.

- Что значат окна? - спросила Рая.

- Пока не знаю.

На двух снимках, которые отдел имущества прислал во вторник, в переплете пустовали узкие тканевые петли. На прошлогодних фотографиях к ним были пришиты три отдельные карточки. Федор сверил описи: подлинные листы вынули после исчезновения домов. В сводной копии на их месте теперь значились пустые участки.

- У кого они? - спросил Илья.

- Если бы я знал, журнал движения документов выглядел бы наряднее.

В читальный зал вошел Савин. Лиза узнала его по объявлениям о программе ремонта: гладкие седые волосы, темная куртка без блеска и привычка поправлять угол каждого листа, до которого он дотягивался. Сейчас он остановился у стола и первым делом выровнял папку. Потом поздоровался с Раяй по имени и спросил, принесла ли она опять жалобу о доме одиннадцать.

- Принесла, - ответила Рая. - Сегодня устно, чтобы вам было проще слушать.

Савин сел, не дожидаясь приглашения.

- Федор, ты проводишь выдачу по описи? Отлично. Лиза, твой дед столько лет выручал эту контору. Не хотелось бы, чтобы его имя появилось в письмах о недобросовестном хранении.

- А я пишу письмо о пропаже сестры, - сказала Лиза. - Книга здесь ни при чем, пока вы ее не вернете.

- Верну. Но сначала проверю, что страницы в порядке. Это моя служебная обязанность.

- Проверить вы обязаны вместе с архивом.

Савин посмотрел на Федора, как смотрят на дверь, которая вдруг научилась отвечать. Федор выпрямил спину и кивнул. В читальном зале зашуршала батарея. Савин поднялся, предложил Лизе выйти на минуту. Она пошла из любопытства и злости, оставив дверь приоткрытой.

В коридоре стояли узкие шкафчики для верхней одежды, возле одного кто-то оставил пакет с морковью. Савин говорил негромко. Он сказал, что Аня могла уехать, что город иногда делает людей бессильными перед чужой жизнью. Он готов помочь с поиском, дать контакты водителей и хозяев помещений. В ответ он просил не собирать толпу и не размахивать старыми планами, пока проверка не закончена. Домов на Мельничной «пока нет в рабочей схеме»; он назвал это техническим обстоятельством.

- Где Аня? - спросила Лиза.

- Ты же понимаешь, я не могу отвечать за решения взрослого человека.

- Тогда не просите меня отвечать за тишину.

Савин устало потер переносицу.

- Твой дед видел в бумаге чудеса. В жизни от нее только подписи и обязательства. Выбери, какое из них тебе дороже.

Он ушел так же спокойно, как пришел. Лиза постояла возле пакета с морковью, наблюдая, как на асфальтово-сером полу темнеет маленькое пятно от протекшего овощного сока. Служебные коридоры всегда полны вещей, которым недостает внимания, подумала она, а потом рассердилась на себя за эту мысль. Отсюда надо было выйти с доказательством, не с красивой фразой.

В читальном зале Федор подал ей реставрационный акт. На его обратной стороне стоял старый штамп приема книги, а ниже дедова помета, которую раньше они пропустили: «При возвращении листа проверить номер на стене». Лиза вспомнила треснутую плитку у исчезнувшего входа. Слова «на стене» могли обозначать только табличку.

Илья между тем рассматривал верхний снимок переплета. Он позвал Лизу и показал неровную темную линию возле корешка.

- Ты говорила, дед шил суровой синей ниткой. А это какая?

- Черная, - ответила Лиза.

Федор подтвердил: на старом снимке шов был синим. После вывоза книги в отдел имущества ее сфотографировали для внутренней описи; на новом снимке по корешку шла черная нитка. Кто-то переплетал страницы уже после Якова.

И на последнем кадре, если присмотреться к краю, выглядывал розовый уголок бланка из Аниного магазина.

Глава 6. Работа по наряду

На фотографии розовый уголок был слишком мал, чтобы прочитывать хоть слово. Федор открыл журнал съемки: снимок сделали на прошлой неделе. В понедельник книга уже лежала у Савина. Значит, Анин бланк попал туда раньше исчезновения дома. Сестра не просто случайно оказалась в чужом деле. Лиза обрадовалась этому на секунду, а затем поняла, что в ближайшие часы ей придется выяснять, зачем Аня лазила в бумаги начальника отдела имущества.

Илья предложил ехать в старую котельную, где до переезда конторы складывали снятые номера. Он получил сообщение от одного из рабочих: тот вспомнил, что в понедельник никто из их бригады не принимал у Ильи металл. Табличку забрал посыльный отдела имущества, пока электрик расписывался за следующую заявку.

- Ты сказал, что сдал ее на склад, - напомнила Лиза.

- Я так думал. Отдал человеку в куртке со складской нашивкой. Если буду отвечать за каждую нашивку, мне не хватит рук.

- За каждый дом хватило бы.

Она произнесла это зло. Он помолчал, потом кивнул. Лизе хотелось, чтобы он начал спорить: спорить проще, чем видеть чужое согласие.

Котельную теперь использовали для инвентаря городской сцены. У двери висела афиша летнего концерта, и бумажные звезды у певицы уже отвалились от влажности. Дежурил там пожилой Семен, знакомый Ильи. Он выслушал историю про нужный номер, зашел за ширму и принес деревянный ящик. В нем лежали два знака с улиц, которые давно переименовали, и один маленький темный прямоугольник. На обороте прямоугольника была надпись карандашом: «М. 9б, не чистить».

- Доставили через отдел вчера утром, - сказал Семен. - С накладной. Я думал, для городского музея, потому что под них сейчас стойку собирают. Забирайте по акту, Илья, только пусть ваш архивист заверит, что это ему нужно. Мне еще спрашивать потом, куда делись звезды от певицы.

Илья позвонил Федору. Тот приехал на велосипеде, поставил печать о выдаче для реставрационной оценки и долго смотрел на чужую подпись в накладной. Лиза завернула табличку в старое полотенце. Под ним проступил отпечаток винтов: номер когда-то висел справа от Аниной двери, под сколом в форме рыбьего хвоста. Лиза видела его всякий раз, когда подходила с ключом. Сейчас не могла вспомнить, почему ни разу не заметила, как медь потемнела у буквы.

- Мы ее нашли, - сказал Илья.

- Ты нашел. И чуть раньше потерял.

- Справедливо. Куда понесем?

- Пока в мастерскую. Никто не знает, что мы здесь были, кроме дежурного и Феди.

- Савин узнает, он подписывал выдачу для музея.

- Пускай. У него хотя бы появится повод вернуть книгу.

На Почтовой они положили табличку возле дедовой линейки. Обе вещи принадлежали дому 9б и выглядели на столе так обыкновенно, что Лиза едва не злилась на их молчание. Федор сказал, что запросил акт старой книги официально. Если Савин снова задержит оригинал, к пятнице потребует его на комиссии по городским памятникам. Федор не был уверен, что комиссия существует еще в прежнем составе, но в архиве слабо разбирались в границах полезного упрямства.

- А саму книгу вы не видели? - спросила Лиза.

- Видел на фотографии. Не хочу, чтобы она пропала, пока мы меняем подписи на обещания.

Федор ушел, увозя в кармане заверенную копию акта. Илья остался. Пока Лиза подбирала со стола медную крошку, он стоял у окна и смотрел на прохожих. Он рассказал, что зимой помогал Ане ставить подсветку в витрине. Она отказалась от двух дорогих ламп и велела оставить одну, зато повесить ее так, чтобы прохожие видели букет и лица людей, которые его выбирают. Потом принесла ему букет веток: цветов, сказала, электрику дарить глупо, их все равно не видно в темноте. Веткам нашлось место в прихожей у Тамары Андреевны. Лиза слушала и не знала, что сестра рассказывала о ней человеку с лестницей до этого вторника.

- Она говорила, вы спорите о магазине, - добавил Илья. - Но всегда приносила тебе чай, если задерживалась вечером. Я решил тогда, что спорить у вас получается надежнее многих соглашений.

Лиза убрала крошку в пустую коробочку для винтов. Она вспомнила, как прошлой зимой Аня выключала в мастерской верхний свет: посетители разошлись, сестры сидели за столом и листали каталог цветочных семян, не решая ничего важного. До пропажи дома Лиза не считала эту привычку чем-то, что можно потерять за ночь. Ей стало труднее сердиться на Илью одним ровным чувством, когда в его памяти сохранились Анины ветки и лампа. Он поднял рассыпающуюся рецептурную книгу своей матери, разглядел подпись у переплетной крышки и спросил, за сколько Лиза возьмется ее починить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.